Создатели Теары – Ята, бог света, жизни, солнца и Наун – бог тьмы, ночи и подземного царства мертвых. По легендам у обоих существовала вторая звериная ипостась. В учебниках зверей изображали огромными с длинной шерстью на загривке, с четырьмя мощными когтистыми лапами и длинным хвостом с пушистой кисточкой на конце. Бог света отличался либо белоснежным, либо золотым окрасом, а бог тьмы – индиговым или же аспидно-черным. Боги враждовали, и земля сотрясалась от бесконечных боев колоссальных в своих размерах зверей. Со временем, когда разум перестали заслонять звериные инстинкты, боги поняли, что противостояние разрушает мир, поэтому пришли к соглашению и разделили сферы влияния.

Мар – человек, созданный богами. И так как создали они нас по образу и подобию своему, то и у нас присутствовала вторая ипостась. Так появились две расы – ятамары и наунмары. Помимо этого людям досталась от создателей магия стихий, потому-то в каждой расе существовало еще и разделение на водных – мизу, воздушных – эрха, земных – зарна и огненных – хио.

Современное разделение на ятамаров и наунмаров условное, ведь в большинстве своем люди разучились перекидываться в звериную ипостась. В лучшем случае у них вырастали клыки и когти, да зрачки могли принять вытянутую кошачью форму. Кончики ушей тоже могли удлиниться, но они и у человеческой половины острые, так что это не тот признак, на который когда-либо обращали внимание. Тех, кто перекидывался полностью, вряд ли было много. Я знала, что они есть, но ни разу не встречала. Думаю, большинство из них были Чистыми – теми, кто с древних времен ревностно берег чистоту крови. Фанатизм Чистых доходил до того, что в собственной расе они никогда не смешивали огонь и воду, считая их враждующими стихиями.

Магия стихий давно пропала из умений людей, поэтому рвение Чистых в этом плане выглядело смехотворно. Но они все так же свято верили, при определенных обстоятельствах магия вернется. И только Чистые смогут ею владеть. Все-таки, как я вычитала опять же в учебниках младших классов по истории, магия иногда проявлялась незначительными способностями, как то: видеть будущее, передвигать предметы, подчинять на секунды свою стихию, ну и так далее.

Я Майрика Рой – наунмар. Слабый наунмар, потому звериная ипостась проявлялась во мне лишь миниатюрными клыками в минуты душевного напряжения. Видимо, в нашем роду часто мешали кровь разных рас. Впрочем, в этом мы ни чем не отличались от других. Как я поняла, что наунмар? Ведь по внешним человечеческим признакам сложно определить, к какой расе я принадлежу больше. А очень просто – в больнице сдала кровь на анализы. Мне пришлось это сделать и для того, чтобы в ИИК – индивидуальной идентификационной карте – появилась еще одна запись, как раз под именем и фамилией.

В этой же карте, к сожалению, отсутствовала строчка об отце, он меня не признал. Отец, Ядил Вар, бросил маму, когда узнал о беременности. Сказал, что не намерен губить карьеру певца ради сомнительного семейного счастья. Поэтому мама растила меня в одиночестве. У нее и родственников ближайших не было, что помогли бы в столь трудное время. В дальнейшем маме постоянно не везло с мужчинами. И мне кажется, полнейшая невезуха в жизни ополчила ее против всех. Она ненавидела буквально все: как развратно одевается

соседка напротив, хотя давно замужем и имеет троих детишек, как улыбается диктор с экрана телевизора, вещая о погоде на ближайшие дни, как разговаривает с ней коллега по телефону.

И еще она, казалось, с трудом выносила все, что делала я. Трудно прийти к другому мнению, изо дня в день наблюдая кислую полуулыбку на ее лице, когда показываешь рисунки из садика или первые пятерки с округлыми красными боками в тетрадях из школы. В детстве мне все время требовалось подтверждение родительской любви.

Я спрашивала:

– Ты бы расстроилась, если бы я убежала из дома?

– Нет, – отвечала мама.

– А ты бы пошла меня искать?

– Нет.

В этот момент она могла спокойно пить кофе с пирожными и читать любовный роман из ближайшего к дому киоска. И отвечала она, не задумываясь ни на миг, без сомнений в голосе с холодной отстраненностью. Каждый раз я надеялась получить другой ответ. Это было чем-то сродни игры в лотерею. Выпадает все время “нет”. А вдруг завтра или послезавтра выпадет “да”? Я свято верила, что это “да” можно заслужить. Я старалась: прилежно училась, убиралась в доме, потому что мама, хоть и раскидывала вещи, где попало, но терпеть не могла беспорядок. Я также готовила завтраки-обеды-ужины, приносила халат с тапочками или кружку горячего чая по первому требованию. Но всего этого было мало. То, что другие получали с самого рождения, то, что умные дядечки в золотых пенсне столетия назад обозвали безусловной любовью родителей к своим детям, для меня было под запретом.

Наверно, в тот день, когда я снова видоизменила вопрос и задала его, обмирая внутри от ужаса, в тот день я начала понимать, что мама никогда не любила и не будет меня любить. Я обуза в ее жизни. Груз, который тащит ко дну и не позволяет завести идеального мужа. Я и раньше видоизменяла вопрос, но каждый раз при отрицательном ответе он оставлял место для маленькой надежды. А в тот день вопрос не предполагал надежды, все равно, если бы я напрямую спросила маму, любит ли она меня.

– Ты бы расстроилась, если бы меня вообще не было?

На этот раз мама подняла голову от книги и усмехнулась горько как-то.

– Нет, – и без того узкие губы сжались в тонкую линию. – Совершенно нет.

Я наконец-то получила больше одного слова в ответ, но это припечатало меня жарким невыносимым клеймом.

Нет!

Я та, что не имела права на любовь. Я та, что вообще не имела права рождаться.

Я бросилась в детскую, на ходу утирая крупные слезы. Только внутри своего убежища, задвинув щеколду на двери, я позволила себе разрыдаться. Я не хотела, чтобы мама видела, как я плачу. Хотя уверена, в тот день она не заметила моего отступления и уткнулась обратно в дурацкий любовный романчик. Я забралась в шкаф, достала бесценное сокровище - огромный свитер отца, прижалась к нему лицом и плакала до самого обеда, вдыхая застарелые запахи, щеками и носом ощущая покалывания колючих шерстинок.

Мама Элиша никогда не скрывала, по какой причине отец оставил нас. Ей доставляло какое-то изощренное удовольствие в сотый раз пересказывать слова Ядила о том, насколько сильно он ненавидит вечно пищащих мокрых младенцев, насколько сильно конкретно я могу попортить ему кровь. Но я-то никогда не видела Ядила, не общалась с ним и могла надеяться, что отец переменит мнение о детях, встретившись со мной.

Хорошо, что в то время при всем желании я так и не увиделась с Ядилом ни разу. Второго крушения надежд я бы не перенесла. А так, я могла нафантазировать о незнакомом отце все, что угодно, наделить самыми лучшими чертами, сделать своим защитником, верить, что уж он-то точно меня полюбит. В обед мама прервала мой бесконечный плач, постучав в дверь и поинтересовавшись недовольным голосом, почему в доме до сих пор не готова еда.

Тот день стал самым черным днем моего детства. День, когда я окончательно убедилась, что не достойна любви. Конечно, бывали дни еще чернее, но всему очень плохому свойственно забываться. Этот же день я никак не могла забыть, он отпечатался в мозгу, как никакой другой. Тонкие губы мамы, сжатые в ехидную усмешку, темнота шкафа и свитер, прижатый к лицу, картошка с грибами, которую я жарила, роняя время от времени на сковороду непрошеные слезинки и шмыгая распухшим носом – стоило вспомнить, как все вставало перед глазами настолько отчетливо, будто случилось вчера.

С того времени эта моя детская игра в вопросы закончилась. Я больше не спрашивала, потому что хорошо уяснила ответ. Родительская не любовь воспитала во мне неуверенность. Я никогда не то, что не задавала вопросы, боялась лишний раз вступить в диалог с мамой и вообще с кем бы то ни было. Я вела себя тихо, одевалась скромно, старалась ни чем не выделяться из толпы. И, похоже, маме мое такое поведение приходилось по душе. Я не сразу поняла почему.

Когда мне стукнуло четырнадцать, в моду вошли короткие облегающие топы с расклешенным рукавом и оголенными плечами. По краю рукава оформляли разными узорами: геометрическими, растительными, животными, с символами наших зверей-прародителей. Иногда все это узорное великолепие дополнялось стразами, стеклярусом, разноцветными

бусинами, ленточным плетением. Я просто не могла оторвать глаза от подобной красоты и пристально разглядывала всех встречаемых в модных новинках девушек.

Затем я с удивлением обнаружила, что легкая оголенность плеч и живота, которую демонстрировали вошедшие в моду топики, действовала на парней, как красная тряпка на быка. Как предположила соседка по парте, минимум одежды не скрывал запах, а девушки еще и подчеркивали его отдушками Патараки, потому-то парням с трудом удавалось сдерживать вторую звериную ипостась от необдуманных действий. С одной стороны, потакание звериной половине, доставшейся от предков, осуждалось обществом. Ну, неприлично это и все! С другой, ничем не скрываемый запах повышал шансы на встречу с истинной парой.

Истинные – это те, кто идеально подходит друг другу по запаху. Проще говоря, от запаха им сносит крышу. Это значило, что проживут они до конца жизни душа в душу и родятся у них здоровые дети. Про истинных я узнала в раннем детстве, когда читала сказки про Золушку, Белоснежку, Спящую Красавицу. А затем часто встречала их описания в маминых любовных романах. Все главные герои в этих историях всегда оказывались друг другу истинными. Естественно, у меня сложилось идеалистичное представление о подобных отношениях. И его разбил в пух и прах школьный учитель по этикету на одном из уроков, посвященных особенностям физиологии. По крайней мере, попытался разбить. Он сказал, что каждый человек может встретить на протяжении жизни нескольких, чей запах будет ему приятен. И что идеальная совместимость по запахам не гарантирует счастливой жизни, потому что отношения надо строить.

После такого я все равно продолжила мечтать о встрече со своим истинным, потому что очень хотелось очутиться однажды в сказке. Ведь только истинный смог бы меня полюбить, не смотря на все мои недостатки. Иногда мне даже снилось, что я чувствую прекрасный запах, иду на его зов, а потом чьи-то сильные руки сжимают меня в объятьях, чьи-то губы властно прижимаются к моему рту. Лица незнакомца я никогда не видела. Да и не нужно мне это было. Больше всего мне нравилось ощущать его защиту, любовь и страсть. Проснувшись, я обычно чувствовала жуткий стыд, потому что очень уж походили такие сны на бульварщину, чтение которой считалось дурным вкусом.

Иногда мне даже казалось, я чувствую волшебный аромат из своих снов. Он исходил от одного из самых красивых парней школы, Эйдана Ская. Свежесть морского бриза с едва уловимыми фруктовыми нотками – таким был его запах. Самое то для солнечного ятамара. Не для меня одной он был притягательным – большинство девушек школы просто с ума сходили от Эйдана. Так что я списывала все скорее на свое воображение и желание, чтобы на меня обратил внимание всеобщий любимец, доказывая тем самым мою особенность. Эта критичность в отношении собственных чувств не мешала мне и в следующее случайное столкновение с Эйданом фантазировать, представляя его тем самым истинным из моих снов.

Так вот, в четырнадцать лет я заинтересовалась отношениями и с интересом наблюдала, как парни реагируют на оголенные плечики девушек. Я всегда носила безразмерные свитера и футболки, такую одежду покупала мне мама. Я никогда не спорила с ней по этому поводу. А тут, мне впервые захотелось купить и надеть в школу модный облегающий топ. Мама выдавала мне карманные деньги на обеды, иногда я экономила или вообще не ела, поэтому смогла за несколько лет скопить кое-какую сумму. С помощью этих скопленных денег я, жутко стесняясь, купила в большом торговом центре нежно-зеленый топ под цвет глаз со стразами.

Страз было немного, они были рассыпаны по рукавам, как маленькие сияющие звездочки. Ну и в придачу к этому топу я приобрела облегающие джинсы.

Какое-то время после приобретения по утрам я облачалась в новый наряд и крутилась перед зеркалом, затем стыдливо все стягивала и запихивала в шкаф. Честно говоря, вряд ли я когда-либо осмелилась надеть все это в школу, и так бы наряд и продолжал пылиться в шкафу, если бы однажды он не был вытащен на свет божий мамой.

– Майрика! – в один из вечеров позвала мама, стоило мне зайти на порог квартиры. Я только вернулась из школы и не успела даже разуться. – Майрика Рой, подойди-ка ко мне!

Тихий голос не предвещал ничего хорошего. К тому же, мама всегда, когда сердилась, называла меня полным именем. Мне стало страшно, но я покорно поплелась в комнату мамы. Я не знала, на что она разозлилась, но уже чувствовала себя виноватой и на ходу придумывала оправдания. На полу бесформенной кучей валялись джинсы и зеленый топик. Почему-то одежда запылилась, хотя шкаф я содержала в совершенной чистоте, а у топика кое-где отвалились самые крупные стразы. Мама сидела на диване и разглядывала одежду с таким брезгливым видом, будто лицезрела что-то до жути безобразное.

– Что это? – медленно отчеканила она и посмотрела на меня.

И я, заикаясь и краснея, соврала:

– Это Сойфи оставила, – затем, осознав ошибку, быстро добавила. – Она в школе оставила. А я забрала, чтобы не потерялось. Завтра хотела отдать.

Сойфи Бэл голубоглазая блондинка с маленьким вздернутым носиком была дочерью наших соседей по площадке. Мы учились в одном классе, поэтому раньше часто ходили в школу вместе, пока мама не запретила мне с ней дружить. Мама терпеть не могла соседей, считая в этой паре мужа надменным, а жену развратной. Как я уже упоминала раньше, такое отношение было основано на небольших деталях, вроде слишком откровенной одежды на соседке или на односложных ответах соседа при разговоре. Мама одно время просто бесилась, когда поняла, что сосед вовсе не горит желанием общаться с ней, отвечает быстро и мгновенно уходит, ссылаясь на множество разных дел.

– Сойфи? – переспросила мама. – Тогда пошли отдавать.

Сердце подпрыгнуло в груди, но я не посмела возразить. Пока мы шли, я никак не могла сглотнуть тугой комок в горле. Мама мне не поверила и решила лично убедиться в обмане. От запахов в коридоре подташнивало. Теперь они показались резче, чем раньше. Я с легкостью могла сказать, что готовится у соседей на ужин по всей длине нашего этажа.

Дверь открыла мама Сойфи – Рэбэка Бэл. На ходу она застегивала ворот алого кружевного халата и поправляла выбившиеся из косы волосы. Щеки женщины раскраснелись, а на лбу

белел след от муки. Увидев нас на пороге, Рэбэка нахмурилась. Подозреваю, в свое время от нее не ускользнули попытки моей мамы отбить ее мужа, поэтому неприязнь разгорелась между женщинами взаимная.

Я выглянула из-за спины мамы. Сложила руки на груди в просительном жесте, благо видела это только Рэбэка, и прошептала беззвучно “пожалуйста”, надеясь, что женщина меня поймет. Рэбэка чуть приподняла бровь, потом вновь взглянула на мою маму, уже вопросительно, мол, что привело.

– Я так понимаю, – ядовито произнесла мама и протянула Рэбэке зеленый топ и джинсы, свернутые в узел, – это принадлежит вашей дочери?

Мама морщилась, разглядывая халат Рэбэки, и по ее лицу не составляло труда понять, что она думает об одежде соседки в частности и об одежде всей семьи в целом. Это было чистой воды лицемерием для того, чтобы унизить собеседника. Я не раз видела, как мама принаряжается и в более откровенные наряды перед приходом ухажеров.

– Так это вашей дочери?

Я закрыла глаза и закусила губы, мысленно молясь богам о снисхождении.

– Да, – ответила Рэбэка с небольшой запинкой. – Спасибо, что занесли.

И я облегченно выдохнула.

На следующий день Рэбэка дождалась, когда я буду проходить мимо их квартиры, и чуть заступила мне путь.

– Доброе утро, Майрика, – лицо Рэбэки осветила милая улыбка.

– Доброе, – пробормотала я и очень тихо поблагодарила. – Спасибо… за вчерашнее…

– Да не за что, – рассмеялась Рэбэка. – Если что, обращайся.

Мне всегда нравилась мама Сойфи – добрая, приветливая и понимающая. Да и отец у Сойфи не подкачал – мало того, что умный, так еще и красивый, статный, просто картинка. Так что я немного завидовала подруге детства.

– Ты в любой момент можешь забрать свою одежду, – сказала Рэбэка и неожиданно наклонилась к моему уху, чтобы прошептать. – И вот еще, что… не торопись, ладно? С парнями…

– Хорошо, – ответила я, хотя не совсем понимала, почему мама Сойфи решила со мной об этом поговорить.

– Держи, – Рэбэка протянула мне небольшой сверток. – Утренние вафли с джемом. И бутерброды на перекус.

С этим словами она потрепала меня по волосам и пожелала хорошего дня. Весь день меня не покидало отличное настроение, я даже насвистывала под нос, когда возвращалась домой. С того времени Рэбэка постоянно вручала мне по утрам аккуратно упакованные обеды, и однажды я осмелела настолько, чтобы обнять чужую маму в качестве благодарности. Впервые кто-то заботился обо мне, ничего не требуя взамен.

Ситуация с зеленым топом получила логичное продолжение через неделю, когда мама повела меня к окулисту и попросила выписать очки. Зрение у меня было не очень хорошим, сказалась наследственность, но оно не было и настолько плохим, чтобы, сидя на последних партах, я не видела задач на доске. Все же мама решила иначе, и выбрала мне самую толстую и безобразную оправу, что только нашлась на витрине.

Я никогда не блистала красивой внешностью, но и уродом не была. Так, средненькая внешность. Да, у меня немного торчали уши, и небольшие веснушки усыпали нос и щеки. Я была излишне худой. Зато у меня были красивые глаза необычного желто-зеленого оттенка. Помню, кто-то из взрослых в далеком моем детстве назвал этот цвет оливковым. Зато у меня были густые слегка вьющиеся темно-русые волосы. А мою худобу можно было посчитать утонченной стройностью. В общем, если бы я стильно оделась, тронула глаза и губы легким макияжем, то выглядела бы ничуть не хуже других в меру симпатичных девушек. Но в безразмерной одежде, в толстенных очках я стала представлять собой унылое нечто.

Я слабо надеялась, что мама заботится о моем благополучии, как Рэбэка, которая попросила меня не торопиться с отношениями. Вдруг мама действительно переживает за мою судьбу и не хочет, чтобы я повторила ее ошибки? То есть не хочет, чтобы я растила ребенка в одиночестве. Но как оказалось, это была забота не обо мне.

Мои заблуждения развеял подслушанный разговор. Мама привела в дом очередного ухажера, которого надеялась окрутить. Они закрылись в комнате, но, проходя на кухню за веником и совком для уборки во внешнем коридоре, я услышала свое имя, произнесенное незнакомым мужчиной, и остановилась, прислушиваясь.

– Майрика? – переспросила мама. – Она со мной останется до самой старости.

– А если замуж выйдет?

– Да кто на нее такую позарится? Со мной она останется, заботиться будет, – мама хихикнула. – Кашки разжевывать на старости.

– Элиша, жестокая ты женщина, – хохотнули в ответ.

Тогда я и поняла, почему маме нравилось, что я веду себя тихо и одеваюсь неприметно. И зачем она заставила меня носить очки. Она не хотела, чтобы какой-нибудь залетный хлыщ увел меня у нее из-под носа. Ей было наплевать на мое счастье. Всю жизнь я должна была заботиться только о ней, раз уж по моей вине она столько мучилась и так и не вышла замуж. Конечно, я никогда бы не переставала заботиться о маме, но ведь и мне хотелось пожить ради себя – воплотить мечты, повеселиться, найти истинную пару и выйти замуж. Это было еще одним доказательством маминой нелюбви ко мне.

В день, когда мне исполнилось пятнадцать, я немного изменила привычный маршрут до дома, возвращаясь из школы. Настроение было отличное не только из-за дня рождения, а еще и потому, что в обед, проходя мимо моего стола в кафетерии, Эйдан поздоровался и поинтересовался, чем так вкусно пахнет. И тогда я протянула ему вафли, которые впервые приготовила сама по рецепту Рэбэки Бэл. Правда, прослойку сделала не из абрикосового джема, а из сметанного крема с кусочками земляники. Именно такое сочетание в сладком мне нравилось больше всего. Я боялась, что Эйдан презрительно сморщит нос и отвернется от угощения, но он взял вафлю и даже откусил.

– Ммм… – проговорил. – Обалденно! Люблю землянику.

Краем глаза я заметила, как загорелись глаза у девушек, что за нами следили. Похоже, в скором времени Эйдана завалят сладким из земляники. Он полностью доел вафлю, облизнув при этом пальцы. Я завороженно проследила это его движение, а встретившись с ним на мгновение глазами, смутилась, покраснела и отвернулась. Настроение, тем не менее, подскочило выше потолка. Еще бы, ведь он принял вафлю из моих рук, хотя печеньки и конфеты у девчонок предпочитал не брать, а только улыбался и благодарил. Поэтому возвращалась я домой, слегка пританцовывая и напевая под нос. Я всегда пела, когда радовалась. В какой-то степени напевать на ходу стало моей дурной привычкой.

Я очень люблю петь. Думаю, это наследие моего отца Ядила, который, как я узнала намного позже, так и не достиг успеха на музыкальном поприще. Лет в семь я сделала первую запись на домашнем компьютере в специальной проге и дала послушать маме. Она закатила страшнейшую истерику. Орала, что я полное ничтожество и мой голос говно, и чтобы я не смела ни петь, ни говорить подобным говеным голосом. Не знаю, насколько она была права, но я ей поверила. Полностью от пения я все же не смогла отказаться, но при маме старалась не упоминать о своем увлечении. Я пела в одиночестве, иногда и на улице, когда никого рядом не наблюдалось. Еще я пыталась сама писать песни и музыку к ним. Не скажу, что получалось отлично. Но какие-то опусы мне очень нравились.

Так вот в тот день я изменила привычный маршрут и пошла более длинной дорогой, иногда петляя по дворикам, и все из-за того, что хотелось в свой праздник сохранить отличное настроение и подольше не приходить домой. Я не обманывала себя и не ждала ничего от матери – она вспоминала о моем дне рождения раз в пять лет, и то, если у нее в этот период хорошо складывались отношения с каким-нибудь мужчиной.

На улице вовсю бушевала весна. Маленькие звонкие ручейки текли по мостовой, серебристыми всплесками отражая солнечные лучи. Я жмурилась и улыбалась во весь рот. Снег стаял не везде, кое-где в тенистых местах еще лежал серыми грязноватыми кучками. Но и в них уже образовывались проплешины, пропуская к свету первые зеленые травинки. Я не утерпела, сняла вязаную шапку и распахнула куртку, настолько день выдался теплым. Воздух, напоенный весенними ароматами, будоражил.

Прыгая по лужам, я напевала:

– Наунмар-чуда-ак топает по лужам.

В голове его-о полный кавардак,

Но доктор-мозгопра-ав ему точняк не нужен.

Это все весна. Правит бал она-а…

Пара-пару-рам. Падам.

Я проходила извилистый закоулок, когда до меня донеслось приглушенное многоголосое пение. Я замерла, прислушиваясь, а потом медленно двинулась в сторону звука. Я нашла невысокий пятиэтажный дом, сложенный из желтого кирпича. На первом этаже одно из помещений выходило на улицу высокими стрельчатыми окнами. Именно оттуда доносилось пение. Я перепрыгнула через низкую ограду, представляющую собой круглую трубу на двух подпорках, перебралась через сугроб и, приблизившись к зданию вплотную, осторожно заглянула внутрь. В светлом просторном помещении по углам и возле стен стояли разные музыкальные инструменты. За пианино сидел невысокий старичок и играл. Сгрудившиеся вокруг него ребята лет от десяти до шестнадцати держали в руках тетрадочки и пели известную песенку про весенний день в лесу.

Наверно, в тот момент я испытала целую гамму чувств. Восторг от того, что я могла бы учиться вокалу вместе с ребятами. Испуг, потому что слишком хорошо понимала – мама не одобрит. Она будет ругаться даже от того, что я вообще присутствовала под этим окном. И грусть, что мне остаются только мечты. Я могла бы попроситься на уроки, не ставя в известность маму, но они наверняка платные. Насмотревшись, я сошла с газона, чтобы подойти к двери и поискать вывеску. Заведение оказалось подростковым клубом “Канарейка”.

С того дня я каждый раз возвращалась домой из школы новым маршрутом и стояла под окнами клуба минут десять, если не больше, и слушала, как ребята занимаются. Кое-какие упражнения я пыталась за ними повторить, но так как не слышала учителя, могла лишь корчить рожи, повторяя движения рта на лице одного из учащихся и копируя звуки.

Потом до меня дошло, что я могу самостоятельно поискать упражнения в интернете. Сложно представить современную жизнь без навороченной техники, не смотря на это, личного

компьютера я не имела. Мама забрала его, когда узнала, что я занимаюсь непотребством: пишу в специальных программах песни и записываю свой голос. С тех пор песни я записывала в тетрадках, а музыку – украдкой в компьютерных классах. Там же выполняла домашние задания, связанные с изучением разных пакетов программ, ну и лазила в интернет, конечно. Упражнений я нашла уйму, а еще обнаружила, что в вирте можно ходить на курсы, а так же посещать музыкалку. Правда в последнем случае требовались и обычные уроки, чтобы учиться играть на инструментах вживую. Однако сама возможность такого обучения меня порадовала. Я решила, что в будущем обязательно заработаю кучу денег и буду учиться. Посещу все курсы, какие только смогу!

Однажды, стоя под окнами “Канарейки”, я слишком сильно прижалась носом к стеклу, поэтому кто-то из учеников, обернувшись, захохотал. Я поняла это, потому что он широко разевал рот и тыкал в мою сторону пальцем. Тогда меня впервые заметили все. До этого видели несколько учеников, но посмотрев один раз, тут же отворачивались, как будто меня и не было. А тут на хохот одного повернулись все и разулыбались. Даже старенький учитель улыбнулся и наклонил седую голову, с прищуром вглядевшись в меня. Мне мгновенно стало жарко от стыда, я отскочила и побежала в сторону дома без оглядки.

Снова прийти к “Канарейке” я осмелилась лишь через неделю. Осторожно подкралась к одному из окон и, вытянув шею, заглянула. Но испытала разочарование. Внутри было пусто, и только старенький учитель копошился в углу с бумагами.

“Надо же, делает все по старинке, даже компьютера не видно. Почти, как я”, – подумалось.

Вдруг старик поднял голову, и мы встретились глазами. Он что-то сказал, взмахнул рукой, но я уже отскочила и быстренько выбралась с газона. Через мгновение деревянная дверь клуба распахнулась, и на пороге возник учитель. Он даже верхнюю одежду не успел надеть, поэтому остался в штанах и тонкой рубашке. Я намылилась бежать, когда он крикнул:

– Да подожди же!

Я нахмурилась и настороженно уставилась на старика, размышляя, стоит ли отвечать или лучше удрать от греха подальше.

– Учиться хочешь? – тем временем продолжал учитель. – Каждый день почти приходишь, а зайти все стесняешься.

– Нуу… – я не нашлась, что ответить, ведь не будешь же с ходу рассказывать о ситуации в семье.

– Так хочешь или нет?

Я подошла ближе и полюбопытствовала:

– А почему занятий сегодня нет?

– На другое время перенесли. На полчаса позже.

– Ааа…

– В общем так, хочешь учиться, приходи завтра. Мы как раз новую группу набрали. Первые три занятия бесплатно, как ознакомительные.

– Хорошо, – пробормотала я, с трудом сдерживая желание заорать от счастья.

Я могу посетить целых три занятия! Я могу!

Все-таки я не сдержалась и улыбнулась во все зубы, демонстрируя вытянувшиеся клыки:

– Я приду!

Вышло так, что я не только посетила бесплатные занятия, а начала заниматься с учителем Динардом индивидуально. Первые два занятия он твердил, что мой голос зажат, что мне необходимо расслабиться. Впрочем, он говорил это и остальным новичкам. Динард показал дыхательные упражнения и попросил выполнять их каждый день для тренировки.

– Самое важное для вас сейчас – это правильное дыхание, – сказал Динард, – чтобы как можно полнее раскрыться при пении.

На третьем занятии мне удалось спеть голосом, идущим откуда-то из глубины. Я держала руку на животе, контролируя вдох-выдох при пении, и голос прозвучал глубже и богаче, чем раньше. Мне понравилось его звучание. Реакция соучеников оказалась странной. Все смолкли, когда услышали меня. Через мгновение я обнаружила, что стою в окружении парней. Они щерились друг на друга, у каждого вытянулись клыки.

Динард хлопнул в ладоши, очень громко в наступившей тишине.

– А ну успокоились все! – для острастки он тоже обнажил клыки и выпустил когти. – Майрика, надо поговорить. Пойдем со мной.

Я испуганно кивнула. Бочком протиснулась между парнями и пошла за учителем в его кабинет. Там аккуратно присела на краешек стула и сложила дрожащие руки на коленках. Что же я сделала не так, что взбаламутила звериные ипостаси учеников? Что-то точно натворила.

“Они повели себя так, будто учуяли во мне истинную. Все разом”, – пришла неожиданная

мысль, но я от нее отмахнулась.

Да не бывает такого! Просто не бывает!

Учитель хмурился, расположившись за столом напротив и разглядывая меня, а я все сильнее сжимала руки. Потом не выдержала:

– Все равно я пришла последний раз. Простите.

Динард чуть приподнял густую бровь:

– Последний?

– Да. У меня денег нет. И мама против.

О том, что мама вообще про обучение ни слухом, ни духом, я умолчала.

– Будем заниматься индивидуально, – сказал Динард.

– Но… а как же деньги?

– Бесплатно, – отрезал учитель. – В тебе есть потенциал. И даже кое-что большее. Мне это интересно.

Так началось мое обучение у Динарда. Я приходила к нему по вечерам три раза в неделю. Маму мои регулярные исчезновения не насторожили, я сразу предупредила, что в школе нам поставили дополнительные курсы экономики. Мама одобрительно кивнула и заметила, что это пригодится, чтобы найти денежную работу. На занятиях с Динардом мы распевались, а потом исполняли разные по степени сложности песни. Мне очень нравилось. Я показала ему свои наработки, и он очень высоко их оценил. Я думала, так будет продолжаться если не всегда, то очень долгое время. Но через год все изменилось.

Придя однажды на занятия, я обнаружила в клубе маму. Мама и Динард орали друг на друга до хрипоты. Я поняла, что это конец. Ничто хорошее не длится вечно.

– Я привлеку вас за развращение малолетних! – бушевала мама. – Не смейте больше приближаться к моей дочери! У вас лицензия вообще имеется? Может, на вас проверку натравить?

Она заметила меня, развернулась от учителя и, цепко ухватив за руку, поволокла к выходу.

– Мам, ну мам, – начала я вырываться. – Можно я попрощаюсь?

Мама отшвырнула мою руку и прошипела:

– Ах ты дрянь! Ну иди, прощайся, пока можешь!

Я бросилась к учителю, пока мама не передумала. Подошла, опустила глаза, не смея на него посмотреть, и прошептала:

– Извините, пожалуйста.

– Ничего, – Динард потрепал меня по плечу. – Кто ж знал…

– Мне нравились наши занятия! – приободрилась я, подняла голову и улыбнулась. – Я вам очень благодарна!

Динард улыбнулся в ответ:

– Следуй своему сердцу… маленький Сирин…

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/23923/496242